

От этой «истории быта» невозможно оторваться!

The Sunday Times

Аюси Уорсли

АНГЛИЙСКИЙ
ДОМ

Уютная история

Люси Уорсли

**Английский дом.
Интимная история**

Издательство «Синдбад»

2011

УДК 392(=111)
ББК 63.3-7(4Вел)

Уорсли Л.

Английский дом. Интимная история / Л. Уорсли — Издательство
«Синдбад», 2011

ISBN 978-5-905891-95-3

Почему в Средние века люди спали сидя? Почему два столетия называются «немытыми»? По какой причине дамы викторианской эпохи часто падали в обморок? Как люди обходились без туалетной бумаги? Почему боялись есть фрукты? Люси Уорсли отвечает на эти и многие другие вопросы в своем ярком рассказе об английском жилище, полном множества живописных, почти осязаемых деталей... В этом увлекательном экскурсе по истории гостиной, спальни, ванной и кухни она уделяет основное внимание не помещениям и предметам интерьера, а тому, как жили и чем занимались люди в постели, в ванной, за столом и у плиты. После прочтения этой книги читатель увидит свое жилище новыми глазами.

УДК 392(=111)
ББК 63.3-7(4Вел)

ISBN 978-5-905891-95-3

© Уорсли Л., 2011
© Издательство «Синдбад», 2011

Содержание

Введение	6
Часть 1	8
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Люси Уорсли

Английский дом. Интимная история

Lucy Worsley. IF WALLS COULD TALK

Copyright © 2011 by Silver River Productions and Lucy Worsley

Published by arrangement with *Felicity Bryan Associates Ltd.* and *Andrew Nurnberg Literary Agency*.

Перевод с английского Ирины Новоселецкой.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2016.

А я вот что хочу знать. В Средние века было что-нибудь придумано, чтобы горничным не ползать на коленках? Когда рыцари после турнира принимали горячую ванну, что они клали в воду?
Герберт Уэллс. Тоно Бенге¹

---

¹ Пер. А. Горского, Р. Облонской, Э. Березина.

Введение

Почему понадобилось целых два столетия, чтобы в наших жилищах прижились унитазы со сливом? Почему незнакомые люди спали в одной постели? Почему богачи остерегались есть фрукты? Ответам на эти и другие вопросы посвящена настоящая книга, которую можно назвать интимной историей английского дома и домашнего быта.

Изучая материалы о четырех главных комнатах английского дома (спальне, ванной, гостиной и кухне), я старалась выяснить, чем на самом деле люди занимались в постели, в ванне, за столом и у плиты; и воображение рисовало мне картины человеческой жизни: от приготовления соуса до кормления младенца грудью, от чистки зубов до мастурбации, от одевания до бракосочетания.

Я с изумлением обнаружила, что спальня была в прошлом довольно многолюдным местом, куда заявлялись самые разные посетители, и что лишь в XIX веке ее стали использовать исключительно для сна и занятий сексом. Ванная как самостоятельная комната появилась только в конце викторианской эпохи, причем случившиеся с ней трансформации были вызваны не техническим прогрессом, а изменением отношения человека к личной гигиене. Гостиная возникла не раньше, чем у людей появилось время для досуга и лишние деньги на ее обустройство. Я пришла к выводу, что гостиная – это своего рода театральные подмостки, на которых хозяева дома разыгрывают перед гостями идеализированные сцены своего семейного быта. История кухни неотделима от истории питания, транспорта, развития технологий и взаимоотношений между полами. Осознав это, я и собственную кухню увидела в совершенно ином свете.

В книге много мелких, на первый взгляд излишних подробностей, но мне показалось, что с их помощью легче оценить серьезные, даже революционные перемены в обществе. Человеческое жилище – прекрасная отправная точка для рассуждений об эпохе, условиях и образе жизни людей определенного времени. «Я с большим почтением отношусь к вещам, – говорит мадам Мерль в романе Генри Джеймса “Женский портрет”. – Ваше **я** для других людей заключается в том, что его выражает: ваш дом, мебель, одежда, книги, которые вы читаете, общество, в котором вращаетесь, – все они выражают ваше **я**»². «Окиньте взглядом свою комнату – и что вы увидите?» – спрашивал Джон Рёскин³ в 1853 году. Сегодня ответ на этот вопрос, разумеется, звучит так же, как и тогда: мы видим самих себя. Вот почему люди вкладывают так много времени, сил и денег в облагораживание своего жилища.

Что еще я почерпнула для себя, работая над книгой об истории домашнего быта? Я поняла, что во все времена определяющую роль играла биологическая природа человека. Общественные перевороты, даже самые значительные, очень мало влияют на то, как человек заботится о собственном теле. Путешествуя по страницам этой книги из далекого прошлого к современности, вы заметите, что в целом условия жизни улучшались. Жесткие законы, регулирующие поведение человека в обществе, мало-помалу смягчались, благодаря удивительным изобретениям исчезали бытовые проблемы – так что надежда на лучшее будущее есть и у нас. Правда, мы не знаем, каким оно будет, но история, я уверена, укажет нам верный путь.

Меня до сих пор не покидает поразительное ощущение, что я как будто наяву общалась с людьми, жившими давным-давно, – представителями всех слоев общества от крестьян до королей. Вглядитесь в глубину веков – и вы убедитесь, что наши предки были очень похожи на нас в том, как жили, любили и умирали. «Самая радостная из всех историй, – писал Джон

---

² Пер. М. Шерешевской. Здесь и далее – *прим. пер.*

³ Джон Рёскин (1819–1900) – английский писатель и искусствовед.

Бидл⁴ в 1656 году, – это история жизни и быта человека: она возрождает прошлое, воскрешает тех, кого давно нет в живых».

Собирая материал для книги, я обращалась за помощью к двум основным источникам – не считая библиотек, разумеется. Во-первых, сотрудничая с организацией Исторические королевские дворцы⁵, я хорошо знаю специалистов, которые занимаются воссозданием атмосферы прошлого. Я подробно обсуждала с ними темы, затронутые в моем исследовании. Во-вторых, мне выпала честь вести цикл передач, посвященных истории английского дома, на телеканале Би-би-си. Работая над этим проектом, я пыталась повторить многие действия и ритуалы, описанные в книге: начищала до блеска викторианскую кухонную плиту; таскала горячую воду, чтобы наполнить безразмерную ванну; зажигала уличные газовые фонари; исследовала канализационные сети XIX века; спала на кровати тюдоровской эпохи; принимала лекарство на основе морской воды, которым лечили в период правления четырех Георгов; заставляла собаку крутить вертел и даже использовала мочу в качестве средства для удаления пятен. Каждый раз, когда мы воспроизводили какую-нибудь утраченную часть домашнего быта, я узнавала чуть больше об истории английского жилища.

К повседневным домашним хлопотам наши предки относились как к чему-то само собой разумеющемуся, не считая свой труд стоящим особого упоминания. «Я говорила об идеалах, о высоком, о принципах! – восклицает героиня классического феминистского романа Мэрилин Френч “Женская комната”. – Почему вы всегда стремитесь низвести нас до уровня банального паршивого вонючего холодильника?» Здесь я поспорила бы: каждый предмет в вашем доме хранит ценные сведения. По вашему холодильнику вполне можно судить о том, что вы собой представляете. Полный он или пустой? Кто еще им пользуется, кроме вас? Моете вы его сами или поручаете это дело кому-то еще? По ответам на эти вопросы можно определить ваше место в этой жизни. Как выразился доктор Джонсон⁶: «Сэр, для столь незначительного существа, каким является человек, мелочей быть не может. Лишь уделяя внимание мелочам, мы учимся великому искусству меньше страдать и больше радоваться жизни».

---

⁴ Джон Бидл (ум. 1667) – английский священник, автор дневников.

⁵ Исторические королевские дворцы – благотворительная организация, отвечающая за эксплуатацию пяти исторических королевских дворцов – Тауэра, Хэмптон-Корта, Кенсингтонского дворца, Банкетного зала, дворца Кью.

⁶ Сэмюэл Джонсон (1709–1784) – английский критик, лексикограф, поэт эпохи Просвещения, автор «Словаря английского языка».

Часть 1

Интимная история спальни

Треть жизни человечества потеряна для истории. Редко когда услышишь что-нибудь о тех часах, когда люди спят или находятся на пороге сна. Пожалуй, стоит попытаться заполнить эту брешь.

Сегодня спальня – это место за кулисами театра жизни, где люди готовятся сыграть свои роли. Для нас спальня – личное пространство, и постороннему врываться в нее без стука не полагается. Но такое отношение к спальне сформировалось относительно недавно. В Средние века не существовало особых комнат для сна. В каждом доме имелось жилое помещение, где хозяева отдыхали: ели, читали, принимали гостей – одним словом, проводили там все свое время. Тогда никому и в голову не могло прийти, что можно спать отдельно от всех остальных, на собственной кровати.

Постепенно функции спальни и гостиной разделились, однако спальня еще удивительно долгое время оставалась местом, открытым для свободного посещения. В спальнях принимали гостей, которым хотели выказать особое благорасположение. Здесь исполнялись ритуалы ухаживания и бракосочетания. Даже роды на протяжении веков проходили в присутствии зрителей. Лишь в XIX веке спальня стала помещением, закрытым от посторонних и предназначенным исключительно для сна, занятий сексом, рождения на свет младенцев и отхода в мир иной. Наконец в XX веке последние два действия переместились из спален в медицинские учреждения.

Поскольку комната, в которой вы спите, была чем-то большим, чем просто место для отдыха, история спальни – важнейшая составляющая истории нашего общества в целом.

Глава 1

История кровати

Сидишь в постели, пьешь крепкий чай, читаешь – что может быть приятнее?

Алан Кларк⁷

Когда-то простого человека занимали в жизни два основных вопроса: где найти теплый ночлег и как раздобыть что-нибудь из еды? В такой ситуации лучшего пристанища, чем главный зал средневекового дома, не придумаешь: дымно, многолюдно и смрадно, зато безопасно. Пусть пол земляной, но кому до этого дело, если тут можно согреться, поесть и провести время в теплой компании? Многие охотно оставались переночевать, так что огромный зал средневекового дома ночью превращался в общую спальню.

Средневековый дом феодала – единственный на всю округу очаг культуры и надежное укрытие – был чем-то вроде школы-пансиона, где росли и воспитывались бывшие обитатели убогих лачуг из окрестных селений. Днем они прислуживали своим хозяевам, ночью – спали на полу в их жилищах. Многие из тех, кто работал при замке, ночевали прямо на своих рабочих местах: прачки – в прачечной, привратники – в сторожках, повара – возле кухонной печи. Согласно записям в домовых книгах эпохи Тюдоров, в имении Саттон-Плейс в графстве Суррей поварята спали в одной комнате с хозяйским шутом. Обитатель средневекового дома делил постель с множеством других домочадцев. В книгах часто пишут, что люди Средневековья не имели представления о личном жизненном пространстве. Однако оно и сейчас существует не в каждой культуре. Например, в современной Японии неприкосновенности личного жизненного пространства придают гораздо меньшее значение, чем на Западе. Японцы, не имея собственного слова для обозначения этого понятия, позаимствовали его из английского языка – *puraibashii* (от англ. *privacy*).

В отличие от нас, люди Средних веков большую часть времени проводили на виду у всех. Но это не значит, что они вообще не имели представления о личном жизненном пространстве. Они все-таки время от времени пользовались случаем и уединялись: хозяин дома и его жена скрывались за пологом на своем супружеском ложе, влюбленные в теплые майские дни убегали в лес, верующие приходили в часовню молиться в одиночестве. Личный молитвенник, запечатый сундучок с личными ценными вещами, личная молельня – все это можно назвать личным жизненным пространством, пусть очень маленьким и, на взгляд современного человека, недостаточно изолированным.

С другой стороны, «личной жизни» как таковой и впрямь не было. В иерархии общества каждому отводилось строго определенное место. Существовала так называемая великая цепь бытия: на верхнем ее конце Бог, ангелы, архиепископ Кентерберийский и другие представители знати, например герцоги, и только потом – обычные люди. Но мы, простые смертные, можем по крайней мере утешаться тем, что нас в системе мироустройства поместили на ступень выше, чем животных, растения и, наконец, камни. Существование этой «цепи бытия» полностью лишало человека надежды повисить свой социальный статус, однако его это устра-

---

⁷ Сэмюэл Джонсон (1709–1784) – английский критик, лексикограф, поэт эпохи Просвещения, автор «Словаря английского языка».

ивало, потому что он находился под покровительством сильных мира сего, которым вменялось в обязанность проявлять заботу о черни.

В этом мире коллективного существования, где все были подчинены жесткой иерархии, грамотные люди встречались редко, поэтому мало кто вел дневник и занимался самоанализом. Да и времени большинству хватало лишь на то, чтобы добывать пропитание и готовить пищу. Не человек, а Бог стоял в центре мироздания. Понимание того, как человек жил в такой духовной среде, – конечная цель исследователей, занимающихся изучением средневековой мебели и помещений, в которых она стояла.

Большинству людей эпохи Средневековья кроватью служил тюфяк, набитый сеном или соломой. Тюфяки шили из тика – грубой полосатой материи, из которой и сегодня шьют матрасы. Для обозначения матраса также употреблялось слово *palliasse* (от фр. *paille* – солома). Около 1452 года Джон Расселл в своей «Книге по воспитанию» объяснял, как устроить постель размером 3×2 метра для нескольких человек. По его словам, следует собрать «мусор» (конечно, имеются в виду опавшие листья, а не пакеты из-под чипсов) и набить им матрас. Затем набивку надо как можно ровнее распределить по всему матрасу, убрав большие комки. Каждый простой матрас необходимо «умело утрамбовать... согнав комки к краям». Судя по описанию, не самая удобная постель, но, наверное, все-таки более мягкая, чем пол.

На одной большой кровати устраивалось сразу несколько человек – это было нормально, и никто не возражал: тепло и безопасно. Французский разговорник для средневековых путешественников включал следующие полезные выражения: «С тобой неудобно спать», «Ты тянешь на себя все одеяло», «Ты пихаешься во сне». Поэт XVI века Эндрю Баркли так описывал безобразные звуки, раздававшиеся в комнате, полной спящих:

Один все икает, и стонет другой,
А третий пинает соседа ногой,
Кто вскрикнет, кто всхрюкнет, кто вдруг заблажит,
А тот напрудил под себя – и храпит,
Пока не нагрянет полночная рать
Гуляк – уголок себе отвоевать⁸.

Причинить неудобство спящим соседям было проще простого, поэтому в конце концов сложились определенные правила размещения людей в общей постели. Некий путешественник, оказавшийся в сельской Ирландии в начале XIX века, отмечал, что в семьях укладывались спать следующим образом: «...Старшая сестра – у стены, наиболее удаленной от двери, затем по старшинству все остальные сестры, затем мать, отец и сыновья от младшего к старшему, затем чужие люди, будь то бродячий торговец, портной или нищий». Получалось, что незамужних девиц предусмотрительно клали как можно дальше от неженатых мужчин, а супруги, муж и жена, лежали вместе посередине. А вот знаменитое описание постели для прислуги в елизаветинскую эпоху, представленное Уильямом Харрисоном⁹: «...Хорошо еще, если им было чем укрыться, потому что чаще они спали на голых тюфяках, из которых торчала солома, коловшая тело». Однако к его словам следует отнестись скептически, потому что Харрисон не приветствовал комфорт. Он сетовал на то, что англичане превращаются в неженюк, пекущихся об излишних удобствах. Подушки, говорил он, прежде «клали лишь в постель роженицам». Как же изменились времена, если даже мужчины хотят спать на подушках, не довольствуясь «справным гладким бревном под головой»!

---

⁸ Пер. Е. Головиной.

⁹ Уильям Харрисон (1534–1593) – английский священник, автор бытописательных трудов о жизни Англии XVI в.

Как правило, хозяева средневековых особняков и замков считали ниже своего достоинства ночевать в большом зале вместе с простонародьем. Супружеская чета обычно удалялась в комнату на верхнем этаже, расположенную над залом. Часто такое помещение называли просто покоем (англ. *chamber*), иногда – будуаром (англ. *bower*) или соляром (англ. *solar*). Покои хозяев на верхнем этаже обслуживал специальный слуга – камердинер (англ. *chamberlain*). Из смотрового отверстия в спальнях покоев особняка Пенсхёрст-плейс в Кенте, одного из хорошо сохранившихся средневековых загородных домов в Британии, просматривается весь главный зал, расположенный внизу. Значит, хозяин поместья мог наблюдать, чем занимаются его работники. Он в буквальном смысле смотрел на своих слуг сверху вниз.

*Кровать Эдуарда I в лондонском Тауэре (реконструкция). Его ложе было разборным и повсюду путешествовало вместе с королем. В Средние века почти все предметы мебели были столь же мобильными, – отсюда французское слово *mobilier*, что значит «движимое имущество».*

Покои супружеской четы выполняли несколько функций: служили одновременно кабинетом, библиотекой, общей комнатой и спальней, но там почти всегда стояла настоящая деревянная кровать. Нельзя точно сказать, как выглядели те кровати, потому что средневековые художники, как правило, не умели правильно передавать пропорции и масштаб. Реконструируя кровать Эдуарда I для средневекового дворца в лондонском Тауэре, мы обратились к документам, в которых указывались расходы на зеленые столбики, расписанные звездами, и на цепи для соединения различных частей королевского ложа. Иллюстрация того периода, изображающая зачатие Мерлина, подсказала нам конструкцию. Кровать Эдуарда I была разборной, потому что король постоянно путешествовал по стране, и слуги по прибытии на место очередной стоянки скрепляли части кровати цепями.

Описание пышного ложа позднего Средневековья дает Джеффри Чосер. Какое-то время он служил королевским камердинером, и по должности ему полагалось убирать королевскую постель. Он со знанием дела описывает роскошную кровать в золотисто-черных тонах:

...Расшитый златом пуховик
Отменно пышен и велик,
Подушек шелковых немало,
И стеганое одеяло
Из наилучшего атласа...¹⁰

Даже в конце периода Средневековья внушительные деревянные кровати, украшенные богатой резьбой, были большой редкостью. Большинство людей спали на соломенных постелях внутри деревянного короба, иногда на низких ножках. Его можно было легко переносить из комнаты в комнату, чтобы разместить всех слуг и гостей на ночлег. Такие постели были настолько просты и удобны в обращении, что их продолжали использовать на протяжении многих столетий. В инвентарной ведомости особняка Хардвик-холл в графстве Дербшир за 1601 год указано, что одну складную кровать держали на лестничной площадке всегда, и даже в судомойне стоял короб для соломенной постели. Человек, служивший камердинером в одном ирландском загородном доме в 1860-е годы, пишет в своих мемуарах о похожем расположении спальных мест: «Три-четыре кровати стояли в комнате. Многие спали на складных кроватях в кладовой и в большом зале».

Во времена правления Тюдоров появилось и прочно вошло в обиход одно из величайших европейских изобретений. Кровать с пологом на четырех столбиках зачастую была самым дорогим предметом мебели в доме и стала считаться обязательным приобретением при вступлении в брак. (Некоторые счастливицы получали кровать в наследство от родителей.) Навес предохранял спящих от веток и перьев, падавших с крыши, потому что нередко в потолке были щели. Шерстяной полог защищал от холода и давал супругам ощущение уединения, ибо в тюдоровскую эпоху даже в семьях, принадлежавших к среднему сословию, глава дома и его супруга ночевали в одной комнате с детьми или приближенными слугами, которые спали на соломенных постелях или низеньких кроватях на колесиках, днем задвигавшихся под большую хозяйскую кровать.

На тюдоровской кровати с балдахином матрас клали на сетку из веревок, натянутых по длине и ширине каркасной рамы. Вербки неизбежно провисали под весом спящих, и их регулярно требовалось подтягивать. Отсюда и выражение: *Night, night, sleep tight* («Спокойной ночи, крепкого сна» – то есть тот, кто желал вам крепкого сна, выражал надежду, что веревки вашей кровати крепки и хорошо натянуты).

На средневековых изображениях лежащий в постели человек часто показан в какой-то неестественной позе: он полусидит на подложенных под голову и спину подушках и валиках. На наш взгляд, спать в таком положении очень неудобно. Зачем же люди его принимали? Возможно, все дело в том, что искусство не очень точно отражало действительность. Художники выбирали для своих персонажей такие позы, чтобы лучше были видны их лица. (Также маловероятно, чтобы средневековые короли спали в коронах, как на картинах того времени.) Кроме того, веревочные сетки просто не могли не провисать посередине, и, когда человек ложился, кровать превращалась в подобие гамака. Честно говоря, спать на животе на кровати с веревочной сеткой просто невозможно. Я убедилась в этом на собственном опыте, проведя ночь в фермерском доме на территории музея под открытым небом «Уилд энд Даунленд».

---

¹⁰ Пер. С. Александровского.

Неужели короли действительно спали в коронах? Неужели в Средние века люди спали сидя?

Несколько человек спали на одной кровати до конца XVII века. Незадолго до того как дочери леди Энн Клиффорд исполнилось три года, в ее повседневной жизни произошли три важных события: малышка стала носить корсет из китового уса, ей позволили ходить без помощей и спать в кровати матери. Когда ребенка клали спать с родителями, это означало, что из разряда детей он перешел в категорию взрослых.

Действительно, если кто-то решит поспать на Большой кровати из Уэра (экспонат Музея Виктории и Альберта), он наверняка будет чувствовать себя неудобно из-за весьма внушительных размеров ложа, ширина которого составляет около 3,3 метра. Изготовлена кровать в период с 1575 по 1600 год. Некогда она стояла в придорожной гостинице «Корона» в Уэре и давала приют довольно большому числу людей. Как-то раз на ней (правда, на спор) провели ночь сразу двенадцать человек.

Для лиц состоятельных, располагавших средствами на приобретение кровати с пологом и соответствующих спальных принадлежностей – постельного белья, одеял и балдахина, – отход ко сну превращался в ритуал с участием слуг. В разговорнике 1589 года для иностранцев, посещавших Англию, приведен диалог, подходящий для общения в гостинице с горничной, помогающей подготовиться ко сну:

– Ты постелила мне постель? Она удобна?

– Да, сэр. Вы будете спать на пуховой перине, застеленной чистыми простынями.

- Я дрожу как осиновый лист. Принеси подушку, укрой меня как следует. Сними с меня чулки, согрей мою постель. Где ночной горшок? Где уборная?
- Справа от вас. Вы наверняка должны чувствовать запах, даже если его не видите.
- Милая, поцелуй меня, и я буду спать лучше.
- Я скорее умру, чем поцелую мужчину в постели. Отдыхайте с Богом.
- Спасибо, красавица.

Сэмюэл Пипс¹¹, живший в XVII веке, был обычным преуспевающим чиновником и имел слуг, которые помогали ему укладываться спать. Однажды он записал в своем дневнике: «Сегодня вечером призвал мальчишку, дабы тот поучился у своей сестры, как укладывать меня в постель». Человек своей эпохи, в спальне он не только спал: согласно записям, там он, помимо всего прочего, играл на лютне, читал, беседовал с друзьями о музыке, слушал, как мальчик-слуга переводит на латынь, вел споры и учил жену астрономии.

Спал Пипс на перине, которую клали на соломенный тюфяк. Перина была ценным имуществом, и это не удивительно: ведь на ее изготовление требовалось около 25 килограммов перьев, для чего приходилось ощипывать целую стаю гусей. Иногда женщинам, служившим на кухне, позволяли оставлять себе для будущего приданого перо птицы, которую они ощипывали. Собрав нужное количество перьев, они делали из них перину для будущего супружеского ложа.

Перину приходилось постоянно взбивать, переворачивать и встряхивать, чтобы она оставалась мягкой и перья не сбивались в комки. Новая перина совсем не обязательно была лучше старой, потому что от нее исходил запах птичника и скотного двора.

Практичные хозяйки обычно копили грязное постельное белье и устраивали стирку раз в месяц. В 1773 году Джеймс Босуэлл¹² и Сэмюэл Джонсон вместе посетили остров Скай и ночевали в доме Флоры Макдональд. Джонсона уложили спать на кровати, где несколькими годами ранее провел ночь Красавчик принц Чарли¹³, скрывавшийся от англичан. Миссис Макдональд бережно хранила нестираным белье, на котором спал принц, и завещала, чтобы перед погребением ее тело завернули (как ни омерзительно) в те самые грязные простыни.

Босуэлл отмечал, что на том далеком шотландском острове к нему в спальню постоянно врываются посторонние. «Днем доступ в спальни был открыт всем без исключения... в том числе детям и собакам». Для него это было непривычно, потому что к началу георгианской эпохи в среде богатых горожан уже стало складываться новое отношение к спальне как к личным покоям.

В XVII веке в типичном доме представителя среднего сословия (фермера или торговца) на втором этаже находились смежные спальни, причем тот, кто спал во второй комнате, мог попасть туда только через первую. В XVIII веке у людей появляется стремление оградить свою личную жизнь от посторонних взглядов, и в городских домах возникает пространство, предназначенное исключительно для прохода. В высоком и узком доме обычного горожанина, похожем на соседние дома, на каждом этаже появляется лестничная площадка, откуда можно попасть в спальни. Теперь тот, кто занимал дальнюю спальню, мог попасть в нее прямо с лестницы, не проходя через чужую комнату.

Следующим шагом в усовершенствовании планировки дома стал коридор. С его появлением в самом конце XVII века каждая спальня превратилась в полностью обособленное

---

¹¹ Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник адмиралтейства. В 1660–1669 гг. вел дневник, ставший важным источником сведений о жизни и быте того времени.

¹² Джеймс Босуэлл (1740–1795) – английский писатель, друг и биограф лексикографа С. Джонсона.

¹³ Красавчик принц Чарли (1720–1788) – одно из прозвищ принца Карла Эдуарда Стюарта, сына Якова Эдуарда Стюарта. В 1745 г. он возглавил вооруженное выступление против короля Георга II. После неудавшейся попытки захватить английский трон бежал во Францию.

личное пространство. Кассандра Уиллоби¹⁴, проявлявшая живой интерес к условиям быта своих современников, в 1697 году одобрительно отмечала, что в новом доме некоего господина Артингтона имелись верхние галереи, по которым «можно было спокойно дойти до нужной комнаты, не превращая остальные покои в проходной двор».

Итак, современники георгианской эпохи, в отличие от тех, кто жил в период правления Тюдоров, уже относились к своим спальням как к неприкосновенному личному пространству. Дверь спальни стали навешивать так, чтобы она открывалась внутрь комнаты, к кровати. «Это делалось с той целью, чтобы входящий, открывая дверь, не мог увидеть сразу всю комнату», – объяснял в 1904 году Герман Мутезиус¹⁵, изучавший особенности английского быта. Ему нужно было обогнуть открытую дверь, «чтобы попасть в комнату, а к тому времени находившийся там человек успевал подготовиться к встрече с гостем».

И все же спальня продолжала оставаться местом, отчасти открытым для свободного посещения, – здесь играли в карты, устраивали чаепития и встречи с друзьями или вели дела, писали письма, занимались учебой и исследованиями. На картине Уильяма Хо-гарта «Будуар графини» (датирована 1743 годом) при утреннем туалете графини присутствуют без малого десять человек: куафер, флейтист, певец, священник, приятельница, чернокожий паж и даже посыльный из магазина игрушек, демонстрирующий свой товар. Графиня – легкомысленная натура, ее гости из числа мужчин – неприятные женоподобные типы. В 1765 году Оливер Голдсмит¹⁶ описывал подобное будуарное сборище так:

За ней спешит, в шелках блистая,
Хлыщей напудренная стая¹⁷.

Звучащее в его словах неодобрение свидетельствует о том, что в ту пору общество уже считало неподобающим массовый прием посетителей в спальнях покоях.

Следующий этап в развитии спальни пришелся на викторианскую эпоху. Иметь собственную комнату для сна стало не только желательным, но и необходимым, и стремление к уединению походило на одержимость. Мужчинам и женщинам, в том числе даже слугам и служанкам, полагалось спать раздельно, а подготовка ко сну превратилась в еще более трудоемкий и дорогостоящий ритуал.

В аристократических кругах викторианского общества считалось немыслимым, чтобы муж и жена, живущие в большом просторном доме, спали в одной комнате. К сексу относились как к чему-то постыдному и непристойному. Женщины имели о нем весьма приблизительное представление и боялись физической близости, а мужчины оберегали их от греховного знания. В спальне теперь полагалось только изредка заниматься сексом и спать. Все «салонные» функции спальни отпали. Журнал «Архитектор» был в этом вопросе категоричен, утверждая, что использование спальни для любой другой деятельности, кроме сна, «вредно, безнравственно и противоречит установившемуся принципу, в соответствии с которым для каждого важного занятия должна быть отведена отдельная комната».

---

¹⁴ Кассандра Уиллоби (1670–1735), герцогиня Чандос, – английский историк, автор путевых записок и художник, дочь английского натуралиста и путешественника Фрэнсиса Уиллоби (1635–1672).

¹⁵ Герман Мутезиус (1861–1927) – немецкий архитектор, теоретик, публицист.

¹⁶ Оливер Голдсмит (1730–1774) – английский поэт, драматург и прозаик ирландского происхождения, яркий представитель сентиментализма.

¹⁷ Пер. А. Парина.

Фолгейт-стрит в Спитлфилдсе (Лондон): созданный в 1720-е годы городской дом этого типа воцарится на следующие два столетия. Спальни в таких домах, как правило, служили местом уединения.

Состоятельный джентльмен зачастую ночевал в своей гардеробной, когда возвращался поздно вечером после затянувшейся встречи с друзьями. Гардеробная дамы называлась будуаром (англ. *boudoir*, от фр. *bouder* — «дуться», «сердиться», «хандрить»). Идея отдельных спален, прижившись в домах богатых, вошла в моду: в начале XX века на аристократию стал равняться средний класс. Располагая более скромными возможностями, супруги, чтобы поделить пространство, спали в одной комнате, но на односпальных кроватях.

Кровати в доме викторианской эпохи стали еще более пышными. В руководствах по ведению домашнего хозяйства XIX века много внимания уделено правилам содержания спального места: белье должно быть свежее, постель проветрена и застелена множеством простыней и одеял. Подготовка кровати ко сну выливалась в настоящий ритуал.

С 1826 года веревочные сетки на кроватях начали заменять металлическими. Вместо льна и шерсти для изготовления постельных принадлежностей все чаще использовали новый чудо-материал, благодаря которому Британия вступила в индустриальную эпоху, – XIX столетие было веком хлопка. К 1830-м годам половину всего британского экспорта составляли хлопчатобумажные ткани. Хлопок-сырец стране поставляли сначала Индия, потом – Америка, а перерабатывали его на мануфактурах Ланкашира. В 1853 году в одном только Манчестере – хлопковой столице – насчитывалось не менее 108 ткацко-прядильных фабрик.

Викторианские домохозяйки, старательно копившие продукцию этих фабрик, гордились тем, что их шкафы забиты постельным бельем, которое они берегли, заменяя нижние простыни верхними после двухнедельного использования. В викторианскую эпоху к подготовке постели относились очень серьезно. Миссис Пантон, автор книги «От кухни до чердака» (1887), жаловалась, что ни один слуга не способен приготовить постель так, чтобы спальное место соответствовало ее высоким требованиям. «За всю свою жизнь я еще не встречала слуги, который добросовестно проветрил бы постель». Обычно он «удовлетворялся тем, что просто застилал ее», оставив «непродушенной и неудобной для сна». Возможно, она и права, но вы только представьте себе, что значит «добросовестно проветрить» викторианское спальное место, которое состояло из самой кровати, накрывавшего железную сетку плотного голландского полотна, матраса, набитого конским волосом, перины, наматрасника, наперника, нижней простыни, верхней простыни, трех-четырёх шерстяных одеял, стеганого пухового покрывала и подушек в наволочках. Миссис Пантон предлагала ежедневно снимать все, что укладывалось на остов кровати: «После того как вы встали, на кровати не должно остаться ни единой постельной принадлежности. Их нужно не просто перевернуть – проследите, чтобы все было вынуто из-под матраса, а постельное белье снято и развешено». После этого в соответствии с ее наставлениями несчастный слуга должен был «стащить с кровати матрас и положить его как можно ближе к окну». Кроме того, она рекомендовала нарядные наволочки с оборками, украшавшие подушки в течение дня, на ночь снимать «и заменять обычными из соображений экономии». Я лично пробовала стелить викторианскую постель в загородном доме Таттон-Олд-холл в Чешире, следуя инструкциям миссис Пантон. Эта процедура заняла у меня полчаса, а самостоятельно перевернуть матрас из конского волоса я так и не смогла – не хватило сил. Неудивительно, что слуги миссис Пантон проявляли халатность в исполнении своих обязанностей.

В комнатах прислуги миссис Пантон нарядных наволочек с рюшками и фестонами вы не увидели бы. Как указывалось в викторианских справочниках по домоводству, убранство помещений для слуг должно быть предельно скромным. «Обстановка в спальне прислуги должна состоять только из предметов первой необходимости, – рекомендовал «Справочник по домоводству Касселла» (1880-е). – Кровать, постельные принадлежности... простыни из суровой ткани... недорогое цветное покрывало, комод, зеркало, умывальник... и стул – вот все, что нужно». Больше похоже на тюремную камеру, чем на жилое помещение.

Миссис Пантон тоже утверждала, что обстановка в комнатах слуг не должна быть «чрезмерно роскошной», хотя и признавала за слугой право иметь отдельную кровать. К своим горничным она относилась как к животным, считая, что у них нет ни вкуса, ни каких-либо человеческих чувств. В помещениях прислуги занавески на окнах вешать не разрешалось. Слугам не позволялось «держат в комнатах сундуки... они обязательно будут складывать туда всякий хлам». Учитывая, что дорожные сундуки, привезенные из дома, были единственным личным «жизненным пространством», которым слуги располагали в доме работодателя, со стороны миссис Пантон было жестоко лишать их и этой малости.

Конец обилию оборок и складок в убранстве богато драпированной викторианской спальни положило Движение за санитарную реформу, возникшее в обществе вслед за появлением представлений о существовании микробов. В отчете Эдвина Чедвика¹⁸ «Санитарные условия жизни трудящегося населения» (1842) подчеркивалось большое экономическое значение охраны здоровья рабочих путем поддержания чистоты в их жилище. Борцы за санитарные реформы отмечали преимущество железных кроватей перед деревянными: железные не служили рассадником вшей и прочих паразитов. Единственный способ изгнать клопов из деревянной кровати – это сжечь ее. Соответственно железо оказалось предпочтительным материалом.

¹⁸ Эдвин Чедвик (1800–1890) – один из авторов санитарного законодательства в Великобритании.

Однако и в первом десятилетии XX века кровать продолжали старательно застилать несколькими простынями, шерстяными одеялами и пуховым покрывалом. Даже в относительно скромном особняке в начале двадцатого столетия одна горничная не справилась бы со всей работой. Если она и спала в отдельной комнате, то обязанности явно делила с кем-то еще, и бездельничать не приходилось никому: «Подъем в 6:30. Распахнуть окна и так далее. Приготовить утренний чай. Принести горячую воду в спальню. Приготовить ванны. Подмести пол и вытереть пыль в холле, вымыть крыльцо. Затопить камин. После завтрака застелить кровати, вынести помой и навести порядок в спальнях. Подмести комнаты. Одеться (в форменное платье) к 15:00. Перед ужином разнести по спальням горячую воду. Разжечь камин, включить газовое освещение, задвинуть шторы. При необходимости помочь с туалетом юным леди или гостям. Если требуется, помочь накрыть на стол. Расстелить постели и подготовить спальню ко сну».

Лишь в 1970-е годы произошла величайшая революция в застилании постелей. В то десятилетие из Скандинавии пришло тонкое простроченное пуховое одеяло. С его появлением фактически исчезла нужда в верхних простынях, тонких шерстяных одеялах и покрывалах – их продолжали использовать лишь те, кто ностальгировал по прошлому. Познакомил англичан с новым изобретением Теренс Конран¹⁹, и называлось оно изначально «сламбедон» (англ. *slumberdown*, буквально «пуховик для сна») или «континентальное стеганое одеяло» (второе название отражает происхождение этой заморской диковины). Немного позже «континентальное стеганое одеяло» получило широкое распространение во Франции, и в Великобритании прижилось его французское название – «дювей» (фр. *duvet* – «пух»).

Тонкие простроченные пуховые одеяла произвели революцию в сфере постельных принадлежностей, вытеснив шерстяные, которыми укрывались на протяжении многих веков. В каталоге магазина «Хабитат» 1970-х годов нашла отражение еще одна новая черта времени: центральное место в жизни семьи отныне заняли дети.

¹⁹ Теренс Конран (р. в 1931) – английский дизайнер, ресторатор, владелец сети магазинов по всему миру.

Тонкие простеганные пуховые одеяла ассоциировались не только с освобождением от тяжелой процедуры застилания кровати, но и со свободой нравов вообще. «Спи со шведом!» – таков был один из первых рекламных лозунгов в наступивший век терпимости. Пуховые одеяла с пододеяльниками продавались в магазинах сети «Хабитат», созданной Конраном. С достоинствами пухового одеяла покупателей знакомили демонстраторы, одним из которых была Патрисия Уиттингтон-Фаррелл. Целыми днями она надевала пододеяльник на одеяло и снимала его, демонстрируя искусство приготовления постели за десять секунд. Когда я с ней встрети-лась, чтобы взять интервью, за десять секунд она не управилась, зато с огромным энтузиазмом говорила о магазинах «Хабитат» и о товарах, так облегчивших жизнь молодым домохозяйкам в 1970-е.

«Десятисекундная постель», разбиравшаяся одним движением руки, была гордостью каталогов «Хабитат». Ткани на картинках поражали смелостью расцветок и узоров: синие, пурпурные, горчичные, в полоску, с цветочным рисунком – полная противоположность кипенно-белому викторианскому постельному белью. Поначалу покупатели приобретали тонкие пуховые одеяла для своих детей. Те, кто родился в 1970-е, я в том числе, ничего другого и не знали (вспоминаю, как бабушка советовалась с подругами: «А оно не тяжелое? А под ним не жарко?»).

Мало кто возвращался к простыням и шерстяным одеялам, хотя бы раз попробовав спать под тонким пуховым одеялом. На самом деле те, кто отдает предпочтение многослойной постели, попросту потакают страсти к излишеству: у этих людей или их прислуги есть время на то, чтобы по утрам застилать такую кровать и стирать кучу простыней, шерстяных одеял и покрывал.

Простота современной постели – один матрас, одно одеяло – парадоксальным образом возвращает нас во времена Средневековья, когда человек довольствовался соломенным тюфяком и укрывался собственным плащом.

Глава 2

Рождение человека

Позволь помолиться за всех младенцев, еще не рожденных, что зреют во чревах со всеми их жилами и членами. Пусть придут они в этот мир здоровыми и совершенными, без изъянов и уродств.

Томас Бентли. Молитва для беременных женщин, 1582

В течение столетий (вплоть до XVIII века, когда стали открываться первые родильные дома) почти все люди появлялись на свет в стенах своего жилища. Жизнь человека начиналась в спальне и чаще всего заканчивалась там же. Возможно, даже на той же самой семейной кровати. До тех пор пока больницы не стали местом, где происходят эти два величайших события – рождение и смерть, спальня была первым и последним, что видел человек.

И сегодня любая будущая мать волнуется в ожидании родов, а ведь в прошлом риск осложнений был гораздо выше. В жизни молодой женщины едва ли случалось что-то более опасное, чем роды, поэтому один вид спального покоя, куда она удалялась, чтобы разрешиться от бремени, вселял в нее страх и тревогу. В Средние века при родах погибали две роженицы из ста. Учитывая, что женщины нередко рожали по десять и более раз, угроза смерти была вполне реальной. В период правления Тюдоров многие знатные дамы во время беременности заказывали свои портреты, полагая, что, прощаясь с мужем перед родами и удаляясь в спальный покой, они, возможно, прощаются навсегда. Если женщина умирала, то на память мужу и детям оставался портрет почившей любимой жены и матери.

Средневековая операция по извлечению младенца из чрева матери путем кесарева сечения, проводимая в спальном покое роженицы.

В эпоху Тюдоров всем было известно то, что знают и нынешние приверженцы естественных родов: при разрешении от бремени помогает сила тяжести. В XVI веке королевы рожали на тронах с вырезанным сиденьем. Эти так называемые «кресла стонов» были обтянуты парчой и дополнялись медным тазом, в который падал послед. В распоряжении повитух, помогавших роженицам разных сословий, имелись и родильные кресла попроще. Некоторые из них были снабжены всякими усовершенствованиями – кожаными сиденьями, спинками с откидным механизмом или подлокотниками с ручками, на которые роженица опиралась при потугах.

У знатных дам периода правления Тюдоров и Стюартов последние недели беременности протекали в тщательном исполнении всех надлежащих ритуалов. При вступлении в брак женщина должна была иметь в своем приданом комплект детского постельного белья для церемониальных и практических целей. Перед родами из сундуков появлялись заботливо припасенные пеленки и простыни. Усилия, потраченные на их пошив, свидетельствовали о том, что женщина готова стать матерью физически и психологически.

Женщине на последнем сроке беременности полагалось в буквальном смысле удалиться от мира. В XVI веке беременных женщин примерно за месяц до решающего дня запирали в богато обставленных и затемненных покоях, чтобы снизить риск случайного падения или испуга, которые могли вызвать преждевременные роды. Темнота и плотно закрытые окна и двери должны были препятствовать доступу «нездорового воздуха» – согласно медицинским представлениям того времени, главного источника заболеваний.

Теория о том, что болезни вызываются вредными миазмами, играла важную роль в планировке жилища, и мы еще не раз о ней вспомним. Особенно пристальное внимание уделяли месторасположению дома. Если он стоял в сырой местности или в низине, считалось, что его обитатели дышат «нездоровым» воздухом, а потому подвержены болезням. И ведь люди дей-

ствительно болели! Например, в тюдоровской Англии в болотистых местностях была распространена малярия, однако... разносили ее комары, а не воображаемые миазмы.

Но и после того, как женщина благополучно разрешится от бремени, ей не позволяли выходить из заточения. Две недели ее отпаивали кёдлом – горячим пряным напитком на основе овсянки и алкоголя. После чего наконец мыли, меняли на постели грязный соломенный тюфяк и разрешали сесть, а еще через две недели – встать. По этому поводу в доме устраивали торжество, на которое допускались только домочадцы женского пола и служанки. Этот обычай перекочевал в Новую Англию: сохранился дневник жительницы Салема XVIII века Мэри Холиоук, которая пишет о том, как перед рождением ребенка сидела взаперти у себя в комнате, после родов две недели соблюдала постельный режим, а затем устроила прием для пяти подруг.

Конечно, в том, что женщин после родов силой удерживали в четырех стенах, ничего хорошего не было, но этот период и в самом деле таил для них многие опасности: смертность от потери крови или родильной горячки (то есть сепсиса, причиной которого чаще всего служили просто немытые руки) оставалась очень высокой.

Ритуал деторождения заканчивался церемонией возвращения в лоно церкви: впервые после двух месяцев затворничества женщина покидала дом и шла в храм (после чего могла вернуться к семье и в постель к мужу).

В комнате роженицы присутствовали и другие женщины, которые сплетничали и с удовольствием делились своим опытом, так что рождение ребенка проходило в куда более теплой и непосредственной атмосфере, чем в наши дни, когда роды – это личное дело каждой женщины. Не исключено, что именно эта традиция породила любопытный обычай, на заре XVIII века существовавший среди завсегдатаев лондонских мужских борделей. Гомосексуалисты, имитируя ритуал родов, разыгрывали сцену разрешения от бремени, а затем отмечали «рождение младенца» пирушкой. Первые известные печатные порнотексты для геев носят название «Беседа роженицы с любопытным авантюристом» (1748). В них рассказывается о мужчине в женском платье, пробравшемся в покои роженицы. В современном гомосексуальном сообществе процесс родов обыгрывать не принято, возможно, потому, что от одинокого лежания на больничной койке радости мало.

До конца XVIII века мужчин в родильные покои не пускали, и дети появлялись на свет в присутствии одних лишь женщин. «Мать жены пришла ко мне со слезами на глазах, – писал Николас Гилман в 1740 году. – О, не знаю, что будет с твоей несчастной женой, – причитала она, намекая на тяжелое состояние роженицы». Жива его супруга или умерла, мистер Гилман мог узнать только от тещи. Роды были единственной сферой домашнего быта, на которую власть мужчины не распространялась.

Ожидающие прибавления семейства мужья приглашали к беременным умудренных жизнью женщин, к которым относились с особым почтением. Считалось, что повитухи обладают таинственной силой. Действительно, благодаря богатому практическому опыту они довольно успешно справлялись со сложными случаями. Манипулируя чувствами доверчивых родителей, повитухи пророчествовали и применяли такие «магические» приемы, которые современная наука подняла бы на смех. Так, для аристократов пол ребенка имел большое значение – ведь все мечтали о наследниках-сыновьях. Повитухи XVII века в надежде на солидное вознаграждение предсказывали рождение мальчика, а не девочки. Пол плода определяли по состоянию груди матери: если «сосок красный, торчит вверх и похож на клубнику», это хороший знак.

Да, роды часто становились причиной общего горя или общей радости, хотя далеко не все допущенные в комнату будущей матери преследовали цель помочь роженице, – кое-кто проникал туда, чтобы шпионить. Например, события, произошедшие в спальне супруги короля Якова II Марии Моденской, привели к революции в стране. Яков II был деспотичным монархом, проводил политику укрепления католицизма, и подданные давно точили на него зуб. В 1688 году его жена-итальянка родила здорового мальчика, и враги приуныли, поняв, что появ-

ление наследника укрепит позиции короля. Чтобы дискредитировать его, они заявили, что ребенок Марии умер, а вместо него ей в постель подложили другого младенца, принесенного в металлической грелке.

Сплетня о подмене младенца имела далеко идущие последствия: она оказала разрушительное влияние на репутацию Якова II, а новорожденный был лишен права на престолонаследие. Вскоре после этого Яков II был низложен, а его сын-католик, повзрослев, так и остался претендентом и безуспешно боролся за трон, на котором закрепились дочери Якова II, исповедовавшие протестантизм.

История с металлической грелкой, которую, как говорят, положили в кровать с бархатным балдахин, которая сегодня стоит в королевских спальнях покоев Кенсингтонского дворца, вызывает сомнения по двум причинам. Во-первых, сама металлическая грелка – нечто вроде сковороды с горячими углями для подогрева холодных простыней – не настолько велика, чтобы в ней мог уместиться младенец. Во-вторых, во избежание подмены королевские роды проходили в присутствии многочисленных свидетелей – придворных и представителей церкви. В момент разрешения от бремени при Марии Моденской находилась внушительная толпа народу – пятьдесят один человек, не считая пажей, обосновавшихся на прилегающих к покоям лестницах, и священников.

При таком столпотворении вряд ли удалось бы незаметно подменить младенца.

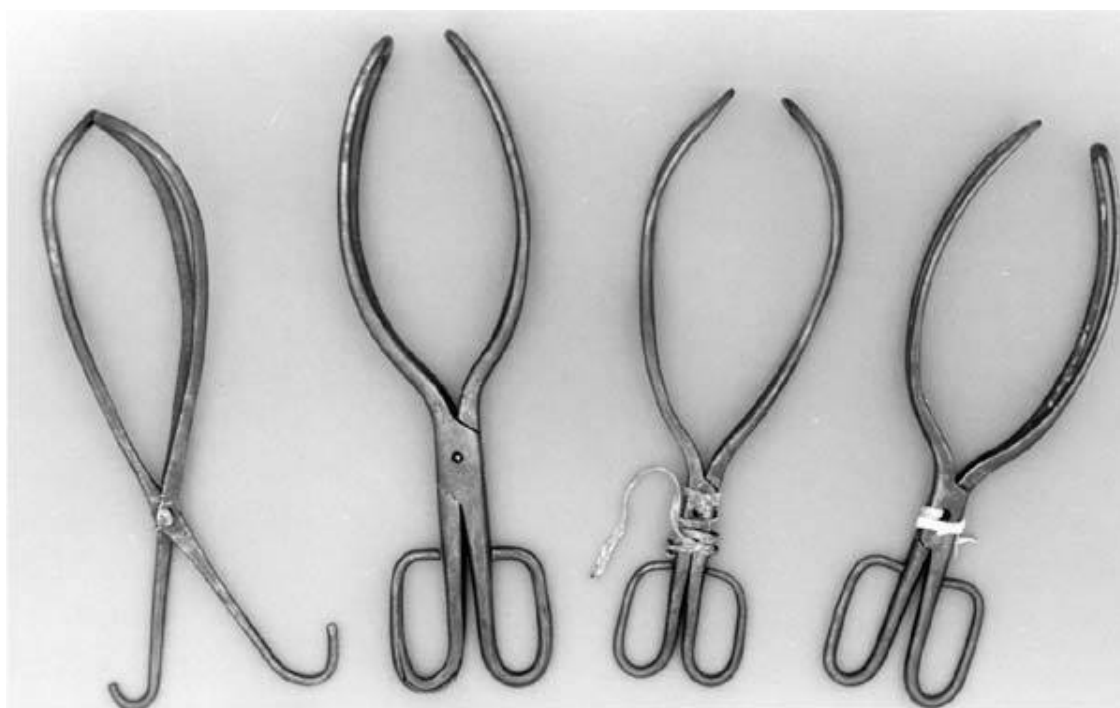

С этой кроватью связана история о металлической грелке. Ходили слухи, что сын Якова II родился мертвым и вместо него в кровать королеве подложили другого младенца, которого принесли в металлической грелке для постели. Скорее всего, это выдумка, потому что в 1688 году число зрителей, присутствующих при родах, составляло не менее 50 человек.

Традиция подтверждать подлинность наследника британской короны сохранялась вплоть до прошлого века. Так, в 1926 году при рождении нынешней королевы присутствовал министр внутренних дел (правда, находился он не в самой комнате). Лишь Георг VI отменил этот недостойный обычай, сочтя его «архаичным».

В спальнях людей более низких сословий все женские секреты находились в руках повитухи. Она могла распознать, изменяла ли женщина мужу, делала ли аборт, вступала ли в сексуальную связь до брака. Если ребенок рождался с физическими дефектами, это однозначно свидетельствовало об аморальном поведении матери. Например, в доме сэра Генри Вейна, занимавшего пост губернатора Новой Англии в XVII веке служили две женщины. Он «совратил обеих, и обе родили уродов».

В XVII столетии мужчины наконец-то получили возможность проникнуть в родильные покои и в их тайны. С собой они принесли здоровую долю скептицизма относительно древних традиций и новый важный инструмент для родовспоможения – железные щипцы. При мерно в 1600 году их изобрел некто Питер Чемберлен. Конструкция щипцов охранялась как семейный секрет, что позволило Чемберлену основать врачебную династию, пользовавшуюся солидной репутацией. Начал широкому применению щипцов положил шотландский врач Уильям Смелли (1697–1763).

Щипцы, которые произвели революцию в акушерстве. Подлинный комплект инструментов, принадлежавший семье Чемберленов.

Безусловно, щипцы спасли жизнь многим. Прежде ребенка, который не мог сам покинуть чрево матери, тащили железным крюком, что неизбежно вызывало его гибель. Однако повитухи опасались прибегать к щипцам. «Справочник лечебных средств для женщин, или Каждая женщина сама себе врач» (1739) рекомендовал применять щипцы только в самом крайнем случае, например, когда схватки длятся четыре-пять дней.

Мужчины-врачи, невзирая на меньший практический опыт, медленно, но верно стали теснить повитух и постепенно полностью взяли деторождение под свой контроль. Некий священник по имени Хью Адамс из Дарема (штат Нью-Гемпшир) утверждал, что в 1724 году благополучно принял очень сложные роды. Его позвали после того, как повитуха отчаялась помочь роженице, у которой схватки длились уже три с половиной дня. Прежде ни разу не принимавший роды, он сотворил чудо с помощью некоего «сильнодействующего лекарства от истерии» и знаний, почерпнутых из нескольких книг.

Подобные истории, передаваемые из уст в уста, превращались в страшилки о неумелых повитухах, подрывая их авторитет в обществе. Однако к мужчинам-акушерам на протяжении всей георгианской эпохи продолжали относиться с подозрением. Многие мужья просто не могли смириться с мыслью, что посторонний мужчина увидит интимные части тела их жен. На сатирических карикатурах мужчину-акушера часто изображали в окружении пузырьков с лекарствами, в том числе с дурманящими препаратами, которыми тот специально опаивал женщину, чтобы воспользоваться ее беспомощным состоянием.

По мере того как акушерская практика переходила от повитух к врачам-мужчинам, менялась и конструкция родильного кресла. Женщине было удобнее рожать в низком кресле, дающем ей возможность упираться ногами в пол, хотя повитухе приходилось сгибаться в три погибели и с вытянутыми руками ждать, когда появится головка младенца. Как только родовспоможением занялись врачи-мужчины (примерно с 1700 года), ножки у родильного кресла начали удлиняться. Высокое кресло было менее удобно для роженицы, зато врачу не нужно было наклоняться. В конце концов будущим матерям предложили тужиться лежа, а не сидя, то есть отказаться от использования силы тяжести. Как ни печально, подобное изменение ввели в обиход не в интересах пациенток, а в интересах врачей.

Родильное кресло XVII века из коллекции музея Уэллкома (Лондон).

В эпоху Тюдоров обезболивание при родах сводилось к молитве. Настоятель Вестминстерского аббатства иногда одалживал роженицам из числа знатных дам, например сестре Генриха VIII Марии Тюдор, христианскую реликвию – Пояс Девы Марии. Порой прибегали и к лекарственным средствам, таким как травяное снадобье по рецепту Джона Партриджа с вселяющим надежду названием: «Чтобы женщины быстро и скоро разрешались от бремени, и без боли или почти без боли». Женщины георгианской эпохи уже могли рассчитывать на «жидкий лауданум» – спиртовую настойку опиума. Это было разрешенное лекарство, которое в книге доктора Джона Джонса «Разгадка тайн опиума» охарактеризовано как «превосходная и разумная панацея». Королева Виктория популяризировала хлороформ в качестве обезболивающего при родах, но делала это вопреки стойкому общественному мнению, убежденному, что применять хлороформ значит «поддаваться слабости». Многие ее подданные ставили знак равенства между «состоянием бесчувствия», вызванным виски, джином, бренди, вином или пивом, и тем, к которому приводил эфир или хлороформ, – и то и другое делает человека мертвецки пьяным, а это неприлично. Как бы то ни было, когда у жены ученого и мыслителя Чарльза Дарвина начались родовые схватки, он усыпил ее хлороформом. К тому времени, когда люди уже начали понимать, что в спальню к роженице можно занести невидимые микробы, даже если вымыть руки, доктора все еще отказывались менять свои привычки. В 1865 году Женское медицинское общество обратилось к врачам с просьбой не приходить в родильный покой прямо из анатомического театра. В ответном заявлении медицинский журнал «Ланцет» назвал эту просьбу совершенно необоснованной: причиной послеродового сепсиса является вовсе не инфекция, а «состояние ума» женщины, вызванное перевозбуждением. Как и во времена Тюдоров, женщинам по-прежнему не разрешалось вставать после родов с постели: книга «Советы замужней женщине» (1853) рекомендовала молодой матери девять дней лежать на спине и лишь на десятый «на полчаса принять сидячее положение». По истечении двух недель позволялось «сменить спальню на гостиную».

Разумеется, существовавшие в обществе классовые различия проявлялись и в отношении к роженицам. Так, автор еще одной книги полезных советов викторианской эпохи утверждал: «Совершенно недопустимо, чтобы жена рабочего отлынивала от работы... В этом нет никакой необходимости. Каждый должен нести свою ношу». Женщины трудового класса Великобритании и жены поселенцев Нового Света разрывались между материнскими и супружескими обязанностями. Врачи не рекомендовали беременным поднимать руки выше головы, но в Новой Англии обмазывать глиной потолок и стены в строящемся доме или нуждающемся в ремонте доме считалось женским делом, а для этого нужно было тянуться руками вверх. В городском суде Глостера (штат Массачусетс) особа по имени Маргарет Принс обвинила соседку в том, что та наслала порчу на ее будущего ребенка и он родился мертвым; ответчица возразила, что беременной Маргарет незачем было таскать на себе глину. Да, согласилась истица, не следовало, но «что же было делать: у мужа слишком много работы, а стены худые». Даже при беременности женщинам из сельских общин волей-неволей приходилось выполнять тяжелую физическую работу.

В XIX веке беременность внезапно перешла в разряд слишком щекотливых для обсуждения тем. Еще в 1791 году один из авторов журнала «Джентльменс мэгэзин» отмечал, что с некоторых пор всякое упоминание о беременности в обществе стало считаться дурным тоном. «Наши матери и бабушки имели обыкновение беременеть, – писал он, – но за последние десять лет ни одна женщина, стоящая на социальной лестнице выше горничной или прачки, детей не вынашивала, а также не рожала и не разрешалась от бремени. Дама благородного происхождения просто сообщала подругам, что в такое-то время она уединится». Подобные правила хорошего тона привели к тому, что женщины начали относиться к беременности как к недугу, а викторианские книги о деторождении ставили беременность в один ряд с «женскими болез-

нями». Женщина в спальном покое, равно как и женщина в обществе, превратилась в глазах окружающих в хрупкое, ранимое существо, не способное позаботиться о себе.

Это был гигантский шаг назад по сравнению с георгианской эпохой, на протяжении которой отношение женщин к сексу и продолжению рода было пусть простым, но жизнеутверждающим. Королева Каролина, супруга Георга II, откровенно обсуждала с премьер-министром сэром Робертом Уолполом свои супружеские отношения, заявляя, что неверность мужа ее волнует «не больше, чем его отлучки на ночной горшок». Трудно представить, чтобы чопорная королева Виктория говорила на подобные темы со своим премьер-министром. Перспектива иметь детей вызывала у нее ужас: «Это занятие загубило два первых года моего супружества!» Можно почти наверняка утверждать, что она страдала послеродовой депрессией.

Завеса тайны, окружавшая все, что связано с деторождением, усиливала страх неосведомленной женщины XIX века, впервые оказавшейся «в интересном положении». Незнание физиологии собственного тела доставляло ей в лучшем случае неудобства, а в худшем – грозило опасностью. Женщинам, например, весьма полезно было бы знать то, что было известно врачам уже в 1830 году: после зачатия слизистая оболочка влагалища меняет цвет, что служит одним из первых надежных признаков беременности. Но информацию не разглашали, потому что она подразумевала, что доктор и в самом деле осматривал интимные части тела женщины. Врач, решившийся предать огласке эти сведения, был бы исключен из медицинского реестра.

Поскольку беременность считали болезнью, популярность начали приобретать больницы с родильными отделениями. Постепенно деторождение переместилось из частной спальни и частного дома в общественные заведения.

Вот в каких мрачных красках в 1937 году описывались идеальные роды, происходящие в больнице XX столетия: новоприбывшей роженице «немедленно вводят одно из современных болеутоляющих средств. Вскоре она впадает в сонное, полубесчувственное состояние, не сознает, что ее везут в безукоризненно чистую родильную палату, не слышит крика младенца, впервые ощутившего ледяное прикосновение внешнего мира». Но Майра, героиня «Женской комнаты», рожая ребенка, все видела, слышала и чувствовала: «Не схватки причиняли ей боль, а сама атмосфера – холод, стерильность, презрение медсестер и врача, чувство унижения, оттого что она лежит с задранными ногами и все, кому не лень, пялятся на ее выставленные напоказ гениталии». Сегодня многие женщины, пережившие нечто подобное, предпочли бы рожать в домашних условиях. Но в то время, когда был написан роман, закон запрещал нью-йоркским акушерам принимать роды на дому.

Вернемся к королеве Виктории. Она избежала еще одной материнской обязанности – кормления грудью. Впрочем, вид младенца, сосущего грудь матери, – картина для спален прошлых столетий куда более редкая, чем может казаться. Что объясняется широко распространенной тогда традицией брать для грудных детей кормилиц.

Глава 3

Матери и кормилицы

Мне совершенно непонятно, откуда взялась традиция отдавать младенцев на вскармливание другим женщинам.

Уильям Кадоган. 1748²⁰

На протяжении многих столетий грудное вскармливание было у знатных дам не в чести, так что крохотных младенцев часто уносили из спальни матери.

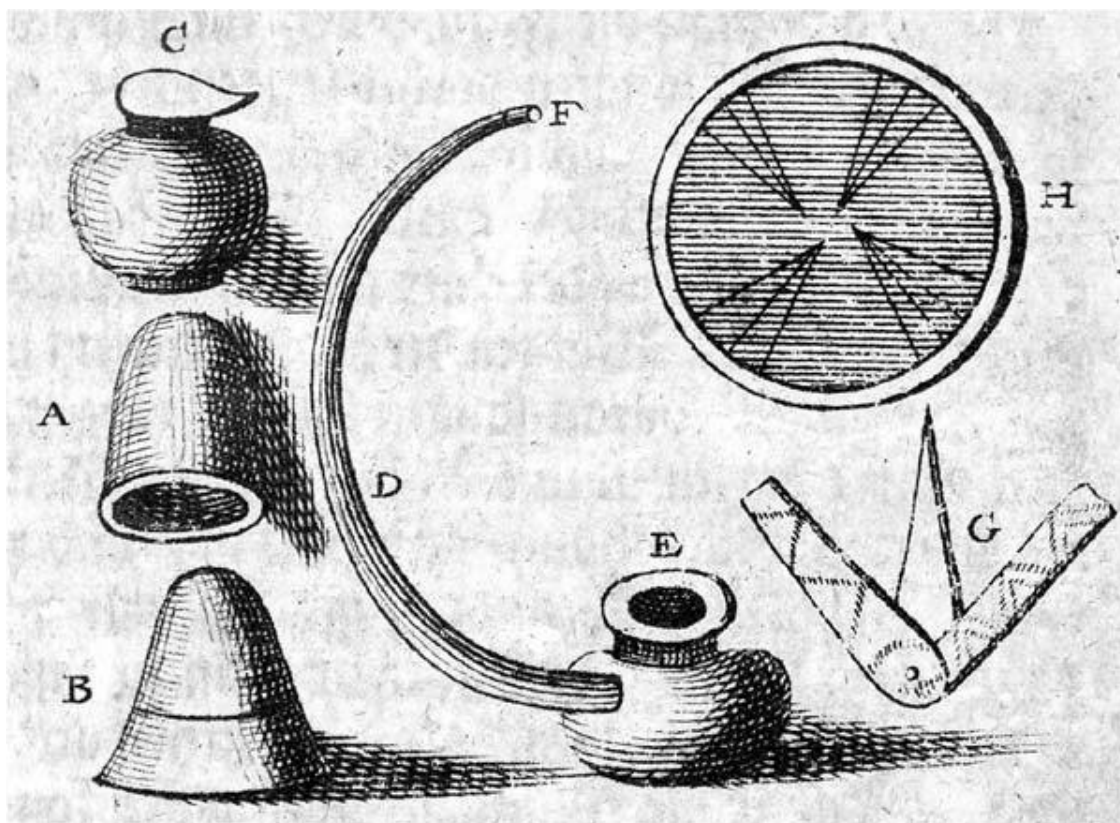
Конечно, все понимали, что правильный уход за грудным ребенком – залог его будущего благополучия, и заботливые родители старались обеспечить его одеждой. Так, по словам Ханны Гласс²¹ (это Джина Форд XVIII века), комплект одежды для младенца должен состоять как минимум из сорочки, юбочки, корсета из клееного полотна, платья и двух чепчиков. Казалось бы, какая жестокость – утягивать крохотное существо в жесткий корсет, но это делалось во избежание искривления позвоночника. Если человек вырастал горбатым, говорили, что «в своей беде он должен винить тех, кто присматривал за ним в детстве» и халатно относился к его пеленанию.

Очевидно, что уход за ребенком требует особых навыков и внимания. И матери веками полагали, что чужие люди смогут позаботиться об их детях лучше, чем они сами.

---

²⁰ Уильям Кадоган (1711–1794) – английский педиатр.

²¹ Ханна Гласс (1708–1770) – английский автор книг по кулинарии и домоводству XVIII в.; Джина Форд (ок. 1960) – английский автор книг по уходу за маленькими детьми.

Молокоотсос XVII века.

Семнадцатое и восемнадцатое столетия были золотым веком кормилиц. Об этом можно судить хотя бы по тому, какие жаркие споры велись в обществе на эту тему (так сейчас ломают копья сторонники грудного и искусственного вскармливания). Предметом спора служил почти повсеместный обычай отдавать младенцев кормилицам. Лишь самые «отважные и решительные» (в глазах современников) знатные дамы XVII века кормили грудью сами, рискуя выглядеть «так же старомодно и неизысканно, как джентльмен, который не пьет, не бранится и не богохульствует». Правда, громче всех против кормилиц выступали набожные джентльмены пуританских убеждений, всюду совавшие свой нос. Их праведного гнева не избежали даже те матери, у которых не было молока: «...Если груди у них, как они утверждают, пусты, им следует поститься и молиться, дабы снять с себя это проклятие». В пуританских сообществах Новой Англии, разумеется, преобладали именно такие взгляды. Там, в отличие от Британии, грудное вскармливание считалось нормой во всех слоях общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.